

Годы нашей молодости

*По мятежным зыбям океана
С ношей от тылов к передовой,
Скованный цепями каравана,
Шел трансатлантический конвой.*

*Строгим строем, шагом
утомленным,
Даль, как текст читая по слогам,
По тропе, войною проторенной,
Обреченно и приговорено
Брел к тревожным русским
берегам.*

*Десять раз наотмашь штормом
битый,
Двадцать раз - врагом из-под
воды,
Хороня пропавших и убитых
В обагренном кровью Ледовитом,
Вновь и вновь ровнял свои ряды.*

*Чтоб в конце, на Молотовском
рейде,
Одолев невзгоды и моря,
В тяжкий год и в миг своей
победы,
Без салюта и фанфарной меди,
Торжествуя бросить якоря.*

Олег Химаныч

*"Дорогая Люся! Спасибо тебе за письмо и за очерк из газеты о работе таможи в портах
Архангельска и Мурманска в тяжелые годы войны – незабываемые годы работы
в таможе – годы нашей молодости..."*

Перед нами строчки из переписки двух подруг. Вот уже 65 лет длится эта удивительная дружба, начавшаяся еще во время Великой Отечественной на таможенных курсах Архангельска, куда в числе других попали по спецнабору и две молоденькие девчонки – Люся Петрова и Шура Галкина.

Сегодня я в гостях у старейшей архангельской таможенницы – Юлии Павловны Петровой. Ветеран таможи, ветеран войны, награждена орденом Отечественной войны II степени. О ней не раз писали местные газеты, ей посвящена отдельная глава в книге Ю. Барашкова "Арктические конвои в настроении Гленна Миллера. Опыт коллективной памяти".

Юлия Павловна угощает меня крепким кофе и конфетами. Она очень доброжелательная хозяйка, эта интеллигентная женщина с белоснежными волосами, поражающая меня превосходной памятью. "А я и дрова до сих пор колю в свои 86, бодро замечает она. А что делать, удобств-то нет...". Крашенные деревянные полы, печка, почти аскетическая обстановка квартиры в обветшалом деревянном доме.

- Часто вспоминаете работу в таможе?

"Постоянно! Жаль только, что поговорить мне не с кем стало, никто меня не может понять, одна Шура осталась, да живет далеко – в Риге. Но переписываемся с ней регулярно". Словно в

доказательство этому Юлия Павловна извлекает из-под подушки книги и стопку папок с газетными вырезками, фотографиями и письмами.

Рассказывает, как поступила на работу в таможеню в марте 42-го на должность контролера. Было ей в ту пору 22 года. Судьба была к ней благосклонна с самого начала – в том же году Юлию Павловну, а тогда просто Люсю Петрову, назначили на таможенный пост в Диксон. В последний момент пришло распоряжение - женщин не посылать и вместо нее вызвался ехать молодой сотрудник Эммануил Горелик. Судно "Мария Раскова" было затоплено во время вражеской атаки. "Он погиб вместо меня", - с грустью говорит Юлия Павловна.

В обязанности контролера входил осмотр всех судовых помещений и основных грузов. Наша героиня уверяет, что до сих пор помнит в подробностях устройство судов типа "Либерти", которые пришлось ей тогда излазить вдоль и поперек.

Северный маршрут был главным в связях СССР с союзниками, а Архангельск и Молотовск – основными портами на этом пути через которые проходили поставки в СССР по ленд-лизу военных грузов. Для того чтобы прорваться в северные порты, суда отправлялись конвоями. Зимой в лютый холод корабли покрывались коркой льда в десять сантиметров толщиной. Обычно на верхней палубе были танки и ящики с самолетами (на одном таком американском танке Люсе Петровой удалось даже проехать). Кроме техники поступало продовольствие: тушенка в жестяных банках, крупы, слоеное малиновое печенье и многое другое. Суда были загружены до предела. Во время разгрузки многое падало за борт, и позже водолазы доставали упавший груз. Нужно было оформить все до последней мелочи и следить, чтобы ничего не пропало.

В портах по окончании пограничного и таможенного контроля суда разгружались прямо в вагоны и незамедлительно отправлялись на фронт.

Работали сутками, с полной отдачей. Все грузы по ленд-лизу принимались в соответствии с официальными формулярами: проверялись списки экипажа, документы, сертификаты и описи груза, патенты на право поднятия флага государства. Помогала дисциплина и порядочность, и еще было ощущение собственной значимости. После суток работы из порта шли за пять километров в таможеню, чтобы записать все события в вахтенный журнал, доложить обстановку начальнику, полночи проводили в бомбоубежище, а ранним утром снова шли на работу.

Работы в порту велись под бомбежками. В начале было страшно, спешно искали укрытия всякий раз, как объявлялась воздушная тревога. А потом привыкли.

Из письма Шуры Галкиной. *"Вспоминаю, как в темноте беспокойного моря при жестком северном ветре мы поднимались по штурм-трапу на борт иностранного судна с комиссией для его оформления. Это сейчас мне страшно вспоминать об этом, но тогда никакого страха я не испытывала. Нам помогала наша молодость, здоровье и высокое чувство долга, конечно. И не помню, чтобы хоть раз наши таможенники давали сбои или не оказались на высоте: всегда свои обязанности выполняли добросовестно, с полной ответственностью..."*

"Не было никакой техники безопасности", - рассказывает Юлия Павловна.

Однажды промозглым мартовским утром после проверки судна она сорвалась с трапа в ледяную воду Кольского залива. Обсушившись и отогревшись, тут же вернулась в порт – нельзя было допустить срыва графика работы. Это случилось уже во время командировки в Мурманск в 43 году. Мурманский порт, куда приходили караваны с военными грузами, находился на протяжении всей

войны вблизи линии фронта и часто подвергался бомбежкам. По плотности бомбардировок он находился на втором месте после Сталинграда. Самолеты появлялись из-за сопот так стремительно, что сигнал "воздушная тревога" обычно запаздывал, и люди не успевали укрыться в бомбоубежищах. Во время одного из таких налетов немецкой авиации Люся спряталась под стоящий паровоз, который внезапно тронулся. Чудом вывернулась из-под колес, только на подоле пальто остались их следы.

Командировка в прифронтовом Мурманске оставила в памяти и приятные воспоминания. Везло Люсе на встречи с интересными людьми. Она жила в одной гостинице с дочерью Демьяна Бедного, переводчицей, вернувшейся недавно из Америки, и с племянницей знаменитого поэта Константина Бальмонта, артисткой художественного слова Верой Бальмонт, с которой они быстро подружились. Юлия Павловна всегда была заядлая театралка. И сейчас без запинки может перечислить названия всех увиденных когда-то спектаклей, имена и роли актеров. Вспоминает с улыбкой случай, как во время одного концерта Веры Бальмонт в полуразрушенный зал вбежали люди в камуфляже, в масках и с автоматами. Перепуганная насмерть Вера упала в обморок тут же на сцене – решила, что это немцы. "Немцами" оказались наши военные, проводившие учения.

Пришлось работать вместе и с легендарным Папаниным, начальником Северного Морского пути и руководителем по ленд-лизу. С теплотой вспоминает Юлия Павловна и начальника таможни – Сергея Сергеевича Дмитриева, москвича, из старых интеллигентов, специалиста высокой квалификации, учившего их, молодых, секретам таможенной работы.

- Юлия Павловна, а что за история с малицей, расскажите...

"Иностранцы любили посещать наши комиссионки. Был случай летом, когда английский чернокожий моряк все с себя продал и купил ненецкую национальную шубу – малицу, уж больно она ему приглянулась. Задержали его, конечно, жара стоит, а он в шубе на голое тело! Пришлось посылать за новой одеждой для него, а малицу конфисковать".

Вообще, нарушений в то время хватало, пытались иностранцы вывезти антиквариат, иконы, советскую валюту. Широкое распространение в годы войны в Архангельске получила мелочная контрабанда – продажа сигарет, шоколада, жевательной резинки, консервов и т.д. Все конфискованные товары реализовывались по рыночному курсу.

Однажды при досмотре судна таможенники заметили разбросанные горелые спички на шлюпочной палубе. Приняли решение осмотреть спасательную шлюпку изнутри. Под брезентом укрывался человек, как оказалось не являющийся членом команды.

Раз, когда с американского танкера в цистерны перекачивали авиационный спирт, Люся увидела, что шланг перерезан, а желающих поживиться даром выстроилась уже целая очередь.

Иностранцы возили с собой попугаев и обезьян, которые обычно грелись в машинном отделении. Опечатывать клетки с живностью тоже входило в обязанности таможенников.

Отношения архангельских таможенников с иностранцами никогда не выходили за рамки строго официальных, в качестве исключения разрешалось во время работы на судне выпить вместе чашку кофе в перерыве. Категорически запрещалось получать какие-либо подарки. Юлия Павловна бережно хранит единственную реликвию тех времен – значок американского штурмана с эмблемой торгового флота США.

В 43-м году коллектив Архангельской таможни занимал первое место по итогам межтаможенного соревнования. Юлия Павловна вспоминает, как по приказу наркома внешней торговли А. Микояна была в числе других поощрена за хорошо проведенную работу по обработке экспортно-импортных грузов премией в 150 рублей (обычная зарплата контролера таможни того времени – 600 р.) и отрезом на костюм.

Победу Люся Петрова и Шура Галкина встречали в Молотовске, союзники с пароходов, разгружавшихся в порту, радостно кричали "Victory!"...

За нашим разговором с Юлией Павловной незаметно пролетело три часа.

По дороге домой я вспомнила строчки из письма Шуры Галкиной:

"Люсенька! Как давно и как недавно это было! Память многие эпизоды из нашей жизни помнит до мелочей. Встретиться мы сейчас ни дня, ни ночи не хватит обо всем наговориться, вспоминая дни минувшие..."

Екатерина Карнавская,
Архангельская таможня